

Зимняя ночь тихая и долгая.

Но в этой бесконечной тьме кому-то снились весна и осень*.

(ПП: яркие, насыщенные событиями сны)

— Бянь Хун, Бянь Хун? Да перестань уже, говорю же, сестрёнка Хун, у тебя всего лишь воротник кетчупом испачкан. Смотри, до дыр уже ткань затираешь, чистюля несчастная. Сейчас Сюй-лаоши нам мультик включит, если ещё будешь копать, мы с тобой лучшие места впереди не займём!

Рука Бянь Хуна, вытирающая одежду, замерла. Кетчуп на воротнике, наоборот, расплылся ещё сильнее кроваво-красным пятном. Он поднял голову с лёгким недоумением и посмотрел на пухлого мальчишку, который с ним говорил. В этот момент он словно что-то понял... но не знал, чему именно удивляется, и потому поспешно ответил:

— Уже всё, пойдём, пойдём. Чжэн Де тоже говорил, что сегодня вроде будут показывать «Унесённых призраками», говорят, очень хороший мультфильм. Давай не опаздывать.

Толстячок, услышав это, большими шагами помчался к маленькому классу приюта. Бянь Хун побежал следом:

— Эй, надо же воду взять! Нас же в середине сеанса не выпустят!

Мальчик бежал быстро, но Бянь Хуну показалось, что он сделал всего несколько шагов, и вдруг уже сидит в классе. Однако это ничуть не показалось ему странным: он лишь медленно повернул голову и стал разглядывать всё вокруг.

Мультимедийный класс был убогий, но до боли знакомый. Именно здесь детям из приюта показывали мультфильмы и вели уроки информатики. Сюй-лаоши не раз говорил: теперь век информации, если не умеешь обращаться с компьютером, потом и на работу никто не возьмёт.

Народу в классе было немало. За исключением старших, ушедших подрабатывать, почти все дети из приюта собрались здесь. Стоял шум, было тесно и оживлённо, и многие подходили к Бянь Хуну поздороваться. Лица были чёткими, узнаваемыми. Он смотрел то на одного, то на другого, и на любой вопрос лишь кивал, не задумываясь.

Тогда Чжэн Де толкнул его плечом и с усмешкой сказал:

— Ты что, отупел? Сейчас голова отвалится, так киваешь. Почему молчишь?

— Я... я... я...

Бянь Хун растерянно мямлил, повторяя одно и то же, но так и не смог выдавить из себя ничего связного. Сбоку тут же вклинился А-Дин, любитель подшутить. Он привычным движением ущипнул Бянь Хуна за всё ещё чуть пухлую щеку:

— Ну и вид у тебя, глупыш. Хорошо живётся?

Бянь Хун поднял руку, почесал затылок и краем глаза вдруг увидел собственную ладонь. У основания пальцев - мозоли, на перепонке между большим и указательным - шрам, кожа местами огрубевшая, с лёгкими следами обморожения.

Он поднёс руку к глазам и долго, внимательно рассматривал её.

Когда его руки успели стать такими?

Впрочем, хорошо хоть они чистые, не нужно выходить из класса мыть их. Фильм вот-вот начнётся, если уйти сейчас, можно не успеть вернуться.

Чжэн Де, однако, перехватил руку Бянь Хуна, поднёс к глазам, внимательно осмотрел и с явной жалостью сказал:

— Ой, да что ж это такое... Сяо Хун, сколько же тебе пришлось натерпеться. И что теперь делать?

Услышав это, многие вокруг подтянулись поближе, все с вздохами разглядывали руки Бянь Хуна. А-Дин тем временем протянул руку и взъерошил ему волосы:

— Так отросли, в глаза не лезут? Пора бы подстричь.

Бянь Хуна на миг окружили со всех сторон: кто ущипнёт, кто хлопнет по плечу, а он лишь широко, глуповато улыбался. Тишина наступила только тогда, когда в класс вошла учительница Сюй с диском в руках. Все сразу притихли, наблюдая, как она, нахмурившись, возится с древним проектором. Диск вставили, аппарат несколько раз хлопнули ладонью, и лишь тогда на пожелтевшем экране загорелся тусклый свет.

— Шторы, шторы задвиньте! Слишком светло, ничего не видно!

Комната тут же погрузилась в полумрак. Теперь светился лишь экран у доски. После заставки фильм перешёл к основной части. Одна семья по ошибке попадает в мир нечеловеческий. Родители девочки, поддавшись жадности, превращаются в свиней за накрытым столом, а она одна остаётся в этом призрачном, странном мире - бегать, скрываться и выживать.

Но вскоре изображение снова сменилось. Будто действие перенеслось в дом крестьянина:

жизнь там текла неторопливо, спокойно. У крестьянки родился ребёнок, и тут же время стремительно рвануло вперёд: следующий кадр уже был в военном лагере. Картинка стала жестокой, с кровью, и Бянь Хун больше не хотел на неё смотреть. Он смутно услышал, как в классе кто-то всхлипывает, но лишь опустил глаза и подумал: что тут плакать? Несчастливых людей на свете и так полно, они это и без фильмов знают.

Через некоторое время мрачная дорога бегства на экране сменилась ярким, пёстрым горным склоном. Наконец появились тёплые краски, даже снег переливался всеми цветами радуги. В классе зашептались, кто-то восхищённо ахнул, но учительница Сюй поправила очки и тут же перешла к объяснениям, превратив фильм в урок:

— Обратите внимание, здесь очень наглядно показана высотная зональность лесных экосистем. У подножия гор широколиственные леса, выше тысячи метров - смешанные хвойно-широколиственные. Вот, видите, красная сосна и большие массивы лиственницы. От тысячи до тысячи восьмисот метров - пояс хвойных лесов, впереди как раз ель, дальше — пихта. Начиная примерно с двух тысяч метров - пояс берёз, а выше двух тысяч - уже лишайники и мхи...

Бянь Хун слушал, как сквозь туман: половина слов проходила мимо, но он всё равно терпеливо позволял этим знаниям проталкиваться в голову. И с некоторым удивлением думал: оказывается, «Унесённых призраками» показывают ради урока географии. Не зря, выходит, учительница Сюй выбрала именно этот фильм.

Вскоре на экране появился мужчина, до боли знакомый Бянь Хуну. Особенно бросались в глаза его разного цвета глаза карий и голубой, и в классе тут же раздались восторженные вздохи: несколько девочек прикрыли рот ладонями и почти в унисон выдохнули:

— Ва-а-ау...

Чжэн Ди, сидевшая рядом с Бянь Хуном, тоже подперла подбородок руками:

— Такой красавчик...

— А это кто?

— Белый Дракон, — отозвался кто-то. — Главный герой, вообще-то.

— Да какой он белый, он же загорелый! — засмеялись сзади.

Чжэн Ди тут же возмущённо обернулась:

— Да вы ничего не понимаете! Это называется мужественность. Правда ведь, Сяо Хун?

— Ну... — Бянь Хун почесал затылок. — Говорят, Белый Дракон. Загорелый, это да... немного.

Класс разразился смехом. В этот момент дверь в класс открылась. На пороге появились несколько старших ребят - те, кто уже успел устроиться на работу и теперь заглянул в приют проведать младших. Фильм тут же отошёл на второй план: дети зашевелились, начали радостно здороваться, наперебой крича «старший брат».

Среди вошедших был высокий парень, в руках у него был пакет с дезинфицирующими салфетками, одноразовыми перчатками и масками, а ещё бутылка стирального порошка с запахом лаванды. Он заметил Бянь Хуна и поманил его рукой:

— Бянь Хун, иди сюда.

Тот не сразу отозвался. Тогда старшие ребята позвали снова, уже громче и с улыбкой:

— Бянь Хун? Бянь Хун!

Однако этот голос постепенно наложился на другой - низкий, спокойный, с мягкой притягательной хрипотцой.

— Бянь Хун.

— Бянь Хун? Ты проснулся? Сегодня ведь Новый год.

Бянь Хун сонно приоткрыл глаза, ещё не до конца выйдя из сна. Услышав, что кто-то зовёт его по имени, он машинально отозвался:

— М?.. Брат, кино уже закончилось?

Не услышав ответа, он снова негромко позвал:

— Брат?

Очевидно, это мягкое, приглушённое, ещё сонное «брат» застало мужчину врасплох, тот на мгновение словно окаменел и не сразу пришёл в себя.

А Бянь Хун под одеялом тем временем окончательно очнулся. Он поспешно сел, кашлянул и, отвернувшись, начал одеваться, не обращая внимания на Жун Фэна, который так и остался сидеть на месте, с чуть покрасневшим лицом.

Опустив голову, Бянь Хун быстро натянул одежду. Стёганая куртка и ватные штаны заранее

были уложены под тёплое одеяло, теперь они были мягкими и тёплыми, без малейшего холода.

— Я запутался в своих снах, — тихо сказал он. — Сейчас выйду.

Мужчина, однако, чуть придвинулся к нему и спросил:

— Это был хороший сон?

Бянь Хун всегда вздрагивал и судорожно дёргался во время кошмаров. Раньше бывало так тяжело, что это даже сбивало дыхание, словно во сне он захлёбывался и мог утонуть. Поэтому Жун Фэн относился к этому особенно внимательно. Особенно к тому самому слову «брат».

Бянь Хун застегнул последнюю пуговицу на одежде, затем сел на край постели и немного перевёл дух. Недавний сон уже почти стёрся из памяти: нужное забылось, лишнее - ушло. Осталось лишь ощущение, будто он смотрел какой-то странный фильм и видел многих людей, с которыми давно расстался. Такие сны ему снились редко - спокойные, светлые, наполненные теплом детских лет. Поэтому он ответил Жун Фэну без колебаний:

— Да. Хороший сон.

Так, с хорошего сна, для Бянь Хуна начался новый год.

Одновременно он понемногу привыкал к тому, что Жун Фэн называет его настоящим именем. С той ночи, когда при дрожащем свете масляной лампы он, плача, произнёс его вслух, мужчина словно сам собой перестал звать его Минь Си и стал называть Бянь Хуном. И не задал ни одного вопроса.

Это позволило ему наконец перевести дух, и Бянь Хун был за это ему благодарен.

Каждый раз, когда Жун Фэн звал его по имени, Бянь Хун чувствовал, будто становится ещё немного более реальным, словно снова обретает плоть и вес. Он постепенно возвращал себе самого себя настоящего.

Он был Бянь Хуном, и в то же время оставался для Юаньдина и Гуаньбао их «братом Си».

В новом году у Юаньдина наконец начал пробиваться давно отсутствовавший передний зуб - крошечный бугорок, словно росток, упорно пробивающийся сквозь землю. Десна зудела так сильно, что Юаньдин всё время норовил провести по ней языком. Привычка эта была скверной: если постоянно лизать, новый зуб мог вырасти криво. Поэтому под мягким принуждением и суровыми уговорами Бянь Хуна Юаньдин начал изо всех сил себя контролировать - настороженно и дисциплинированно, чтобы, не дай бог, не превратиться, как пугал его брат Си, в «кроличьего духа с перекошенными зубами».

Даже помогая Бянь Хуну разбирать кладовую возле фруктового сада, он, перетаскивая табуреты, бормотал себе под нос:

— Нельзя лизать... нельзя лизать... нельзя лизать...

Бянь Хун, наводивший порядок в книжном шкафу, посмотрел на этого чрезмерно усердного младшего брата и лишь беспомощно покачал головой. В таком юном возрасте характер Юаньдина уже ясно проявлялся: он был понятливым и рассудительным, но при этом упрямым, самолюбивым и чуточку тщеславным. Совсем не то что Гуаньбао - тот целыми днями только и делал, что вляпывался в неприятности, мочил постель и беззаботно ел да спал.

Но какой бы стороной они ни оборачивались, для Бянь Хуна оба были одинаково милы и дороги сердцу. Пройдя через столько бед и опасностей, Юаньдин и Гуаньбао давно перестали быть для него просто сиротами, которых умирающая крестьянская чета доверила его заботе. Они почти стали родными по крови, не столько младшими братьями, сколько собственными детьми. А разве можно не любить своих детей?

Думая об этом, Бянь Хун протирал полки шкафа. В этот момент Жун Фэн вынес из кладовой бамбуковое кресло-качалку, слегка покрытое плесенью, и поставил его у двери, чтобы греться на солнце.

Мужчина посмотрел на плетёное кресло с заметной задумчивостью:

— Раньше мой наставник больше всего любил сидеть на помосте у этой хижины, раскачиваться в кресле и смотреть на закат.

Бянь Хун окинул взглядом книжный шкаф, до отказа набитый томами, и понял: учитель Жун Фэна, должно быть, был человеком необычайно широкого ума. Недаром он старший брат-соученик нынешнего Великого наставника государства. По какой причине он столько лет скрывался в горах? Лишь ли из-за долга стража гор? Этого уже не узнать.

— Это всё книги твоего учителя? — спросил Бянь Хун. — Он и правда был невероятно образован... Можно я дам их почитать Юаньдину и Гуаньбао?

Жун Фэн кивнул:

— Конечно. Это старые, давние вещи. Думаю, сейчас у моего учителя книг куда больше.

Вспомнив усталый облик наставника Жун Фэна в военном лагере и худощавую спину Великого наставника, Бянь Хун тихо покачал головой. Пожалуй, у этих двоих теперь и вовсе нет времени на чтение праздных книг.

У людей, кем бы они ни были и на какой бы ступени ни стояли, всегда есть свои тревоги.

Простому народу неведомы горечь и изнурительный труд достойных сановников, а ванам и вельможам - радости и утраты бедняков.

С этими мыслями Бянь Хун вдруг заметил в углу, между книжной полкой и стеной, несколько свитков, сложенных вместе. В нынешние времена бумага ценилась на вес золота, а книги и вовсе были редкостью. Бянь Хун поспешно, с трудом достал их, осторожно развернул и вынес поближе к солнечному свету у двери, чтобы просушить.

Но стоило ему пролистать лишь несколько страниц, как руки его дрогнули, и свитки посыпались на пол. Жун Фэн, заметив, как внезапно покраснел юный ланьцзюнь, тут же обернулся и подошёл, поддерживая его.

— Что случилось?

Бянь Хун не успел ответить. Взгляд мужчины последовал за его жестом, и Жун Фэн тоже на мгновение лишился дара речи. Раскрывшиеся на полу страницы были сплошь покрыты рисунками. Цветными, тщательно выписанными, явно работой мастеров: двое мужчин, почти нагие, переплетались телами в томной близости, то сливаясь устами, то меняя позы, соединяясь сверху и снизу, в бесконечном разнообразии откровенных, изощрённых сцен.

— Ты не подумай... — поспешно начал Жун Фэн, — мой учитель... он вовсе не...

Но слова так и повисли в воздухе.

Жун Фэн всё ещё хотел что-то объяснить, но факты говорили сами за себя. Стоило порыву ветра перелистнуть страницы, и лежавшие рядом свитки открылись на ещё более откровенных изображениях.

В этот момент Юаньдин как раз закончил перетаскивать табуретки и, довольный, побежал обратно - хотел помочь своему брату Си вынести книги на солнце. Но едва он переступил порог, как увидел на полу несколько пёстро раскрашенных свитков. Он даже не успел толком разглядеть, что это такое, как брат Си, весь пунцовый, метнулся вперёд, стремительно сграбастал свитки и одним движением всучил их в руки стоявшего рядом мужчины.

— А если ребёнок увидит?! Что тогда?!

Бянь Хун - человек из современного мира, пусть и не имевший любовного опыта, но уж точно «видевший, как бегают свиньи» и считавший себя вполне искушённым, испытал настоящий шок, едва пролистал пару страниц. Это было за гранью всего, что он мог себе вообразить: к такому страшно было даже прикоснуться, словно обжигало.

Кожа на голове у него будто онемела. Он едва не допустил, чтобы ребёнок это увидел. Первым порывом было просто выбросить эти «диковинные книги», но они не принадлежали ему, и так

поступить он не имел права. Стиснув зубы, он всучил их Жун Фэну.

А затем Бянь Хун вдруг словно что-то осознал. Он сделал шаг в сторону от мужчины и бросил на него быстрый, оценивающий взгляд сверху вниз. С виду ведь такой простой, замкнутый, холодный, прямо-таки образец благопристойности...

Жун Фэн под взглядом Бянь Хуна мгновенно почувствовал, как у него по спине пробежал холодок, и потому рефлекторно выпалил:

— Я не смотрел! Честное слово, ни разу не смотрел! Учитель сказал, что эти книги можно открывать только после того, как женишься.

.....

Сказав это, Жун Фэн и сам остолбенел. Да ведь он... он же уже женат!

Мысль ударила внезапно. Воздух будто застрял в груди, ни вдохнуть, ни выдохнуть. Лицо вспыхнуло жаром, и он растерянно уставился на Бянь Хуна. А у того в голове вдруг всплыл давний эпизод из аптечной лавки - тот самый день, когда ученик старого лекаря опрокинул чашку с бульоном и ошпарил мужчине бедро.

Иногда слухи, как ни странно, подбираются совсем близко к истине.

У Бянь Хуна по спине пробежал мороз. Он тут же нагнулся, подхватил Юаньдина на руки и, бросив через плечо стоявшему рядом мужчине короткое «я пойду готовить», поспешно направился прочь.

Юаньдин заморгал, так ничего и не поняв. В этот момент из-за фруктовых деревьев как раз выбрался проснувшийся Гуаньбао - радостный, с сияющими глазами, он побежал навстречу. Бянь Хун торопливо остановил его, взял обоих детей за руки, одного справа, другого слева, и почти бегом повёл к кухне.

Он шёл всё быстрее и быстрее, а под конец его шаги уже звучали как частый топот, и вскоре он совсем скрылся из виду.

Остался лишь Жун Фэн с несколькими «горячими картофелинами» в руках, застывший на месте в полном оцепенении. Тонкий ветерок проскользнул сквозь оконные решётки и открытую галерею, подхватил страницы и тихо зашевелил их. Мужчина молча простоял так довольно долго. Наконец он сел на деревянный настил у входа, опёрся лбом на ладонь, несколько мгновений внутренне боролся с собой, потом неловко огляделся по сторонам, прикрыл рот и кашлянул, после чего снова опустил голову и нервно потер пальцы.

Рука, тянувшаяся к свитку, на миг зависла в воздухе, и всё же он решительно раскрыл первый

свиток, первую позу. И в глубине души стал уговаривать себя: Учёбе нет конца. Учёбе нет конца...

И вот ночью, когда Жун Фэн уже в пятый раз вскочил со сна, потому что юный ланьцзюнь, обняв его за шею, шёпотом, почти касаясь уха, произнёс это мягкое, тянущее:

— Брат...

- и кровь снова ударила в голову так, что он был вынужден бежать на кухню обливать себя холодной водой.

Юаньдин, сонно потирая глаза, приподнялся под одеялом. Его всё время тормозили - старший брат то и дело вскакивал, и в постели стало ощутимо холодно.

— Брат Си, а что со старшим братом? — пробормотал он.

Бянь Хун стиснул зубы.

Что с ним, что с ним...

Да бес его попутал, вот что.

<http://bllate.org/book/13502/1302033>